

**Reported discourse.** A meeting ground for different linguistic domains / Ed. by T. Gtildemann, M. von Roncador. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. - xi, 423 p.

За термином *reported discourse*, давшим название рецензируемой книге, в русском языке закрепился перевод *косвенная речь*. Однако отождествление двух понятий не совсем корректно. В современной англоязычной лингвистической литературе термин *reported discourse* используется для обозначения любого способа воспроизведения чужой речи, т.е. не только косвенной речи, но и

традиционно противопоставляемой ей прямой речи. Соответственно, содержание термина *reported discourse* значительно шире, чем понятия *косвенная речь*. Более точным английским аналогом русского понятия *косвенная речь* является словосочетание *indirect discourse*. Стоящее за этим явление, как следует из вышесказанного, представляет собой частный случай *reported discourse*. В силу пе-

риферийности проблематики прямой и косвенной речи в современной русскоязычной лингвистике мы, к сожалению, не располагаем устоявшимся обобщающим термином, который бы покрывал весь спектр явлений, связанных с передачей речи. В этом значении представляется возможным использование понятия *чужая речь*, которое встречается в ряде специальных исследований, хотя и не обладает пока терминологическим статусом.

Изучение воспроизведения чужой речи имеет долгую научную традицию, связанные с этим проблемы привлекали внимание исследователей разных областей гуманитарного знания. Начиная с античности, философы обращались к вопросу о различии сфер реального и сказанного (*de re vs. de dicto*). Предметом изучения литературоведов часто становились особенности представления речи и мыслей героев и, в частности, стилистический прием несобственно-прямой речи. В лингвистическом аспекте это явление подробно рассмотрено в недавней работе Е.В. Падучевой [Падучева 1996: 335-361]. В практических грамматиках различных языков специальные разделы традиционно посвящаются построению конструкций с косвенной речью. Однако в современных лингвистических исследованиях чужая речь в целом не относится к числу тем, пользующихся повышенным вниманием. Но все же особый интерес данного явления для лингвистики заключается в том, что в его рамках прослеживается действие самых различных механизмов языковой системы, таких как построение сложных предложений, ролевой, временной и пространственный дейксис, выражение эвиденциальности. Широкий спектр проблем, связанных с воспроизведением чужой речи, и рассматривается в рецензируемом сборнике. Он был составлен по итогам состоявшегося в 1998 году в г. Халле (Германия) "круглого стола", посвященного функциональным и формальным свойствам передачи речи. Отличительной особенностью данного собрания статей является анализ характеристик чужой речи в их соотношении с различными аспектами грамматической системы языка.

Особо следует подчеркнуть типологическую направленность обсуждаемой книги. Большинство существующих исследований описывает грамматические характеристики прямой и/или косвенной речи в одном или нескольких языках или ее функциональную нагрузку в определенном типе текстов одного языка. Однако в силу многогранности феномена чужой речи несомненный интерес представляет его рассмотрение в более широкой типологической перспективе. Хотя каждая

из статей рецензируемого сборника основана на данных одного языка или группы генетически или ареально близких языков, их объединение в одном томе, охватывающем таким образом материал европейских, азиатских, африканских языков различной генетической принадлежности, а также содержащиеся в ряде статей указания на сходство описываемых явлений с фактами, обнаруживаемыми в других языках, создает определенную типологическую картину изучаемого феномена.

Важной отличительной чертой рецензируемого издания является также его внимание к диахроническому аспекту конструкций, воспроизводящих чужую речь. Как неоднократно подчеркивалось в лингвистической литературе последних десятилетий, диахроническая перспектива часто открывает новые возможности для объяснения наблюдаемых языковых фактов.

Рецензируемый сборник состоит из введения, четырех тематически организованных разделов, включающих в общей сложности 15 статей, и пятого раздела, содержащего обширную (более чем пятидесятистраничную) библиографию по различным проблемам, связанным с воспроизведением чужой речи.

Первый раздел - "Категории чужой речи и их использование" - посвящен центральному для теоретических работ в данной области вопросу о различных типах передачи чужой речи. Классическими являются два ее типа - прямая и косвенная речь. При этом основания для их определения и проведения границы между ними изменялись с течением времени. Для более ранних исследований характерно их разграничение в терминах наличия/отсутствия синтаксической зависимости. Эта точка зрения до сих пор преобладает в нашей стране, по крайней мере в исследованиях на материале русского языка. Другое возможное основание для различения прямой и косвенной речи - отношение воспроизводимого текста к тексту первоисточника. Такой подход принимается в большинстве современных исследований, в том числе и в рецензируемом издании. Однако все многообразие способов передачи чужой речи не сводится к бинарной оппозиции. Как отмечают в предисловии редакторы сборника (с. viii), прямая и косвенная речь представляют собой крайние полюса континуальной шкалы, отражающей различную степень удаления от дейктического центра исходной ситуации. В статьях первого раздела описываются свойства прямой и косвенной речи в ряде языков, но особое внимание уделяется промежуточным случаям, реже рассматривавшимся в ли-

тературе, их формальным характеристикам и особенностям функционирования в речи.

Во втором разделе - "Время, аспект и эвиденциальность" - обсуждается использование особых глагольных форм в косвенной речи. Изменение формы глагола - один из частотных типов преобразований, которые претерпевает исходное высказывание при его переводе в косвенную речь. Модификация временного значения глагола и появление эвиденциальных показателей легко объяснимы: во-первых, с изменением точки отсчета может измениться и положение по отношению к ней передаваемой ситуации (или же абсолютное время может смениться относительным), во-вторых, воспроизведение чужих слов - это сообщение опосредованной информации. Не вполне понятно, почему в названии второго раздела фигурирует также термин *аспект*. Не будучи связанной с какой-либо точкой отсчета, характеризующая внутреннюю структуру ситуации, аспектальная форма, как представляется, не должна подвергаться изменению при преобразовании высказывания в косвенную речь. Впрочем, в статьях данного раздела модификации аспектальных характеристик глаголов при преобразовании исходного текста практически и не обсуждаются.

Тема третьего раздела - "Логофоричность" - связана с проблемой идентификации референта местоименной группы. Данный раздел посвящен средствам выражения кореферентности субъекта при глаголе, вводящем чужую речь, и участника описываемой в ней ситуации.

Наконец, в четвертом разделе - "Форма и история цитативных конструкций" - рассматриваются грамматические показатели, маркирующие косвенную речь, и их лексические источники. Характерной особенностью данных показателей является их употребление не только для введения косвенной речи, но и в ряде других функций. Попытки объяснить их многофункциональность на синхронном уровне осуществляются посредством восстановления возможных путей их диахронического развития.

Объединение статей в одном разделе не исключает возможности значительного расхождения их тематики. Остановимся подробнее на содержании самих статей. Первый раздел включает в себя шесть статей. Две из них посвящены особенностям синтаксического оформления конструкций, соответствующих различным типам передачи чужой речи. В статье Винфрида Бёдера "Представление речи и мысли в картвельских (южнокавказских) языках" на материале древнегрузинского, современного грузинского и сванского языков

рассматриваются формальные свойства прямой и косвенной, а также полукосвенной (*semi-indirect*) речи (последний тип передачи чужой речи автор выделяет в сванском языке) - употребление личных местоимений, подчинительных союзов, катафорических местоимений, отсылающих к содержанию речи. Изменение временных форм встречается редко, глагол при несобственно косвенной речи в сванском (реже при косвенной речи в грузинском) маркируется эвиденциальными показателями. Наиболее интересным в статье представляется анализ цитативных частиц. Некоторые из них являются застывшими формами глагола \*сказать\*, причем исходное грамматическое значение этих форм отразилось на правилах их употребления в современном языке. Автор прослеживает развитие этих показателей, расширение возможных контекстов их употребления, мотивированное прагматическими факторами, вытеснение ими более древних показателей с аналогичной функцией. Функциональная нагрузка разных типов передачи чужой речи в статье не обсуждается, отмечается лишь, что косвенная речь менее характерна для древнего, чем для современного грузинского языка. В сванском же наиболее частотным вариантом является несобственно косвенная речь.

В статье Сэнфорда Б. Стивера "Прямая и косвенная речь в тамильском языке" содержится подробное описание синтаксических различий двух типов передачи чужой речи, которое наряду со стандартными механизмами различения включает в себя, например, недопустимость в случае косвенной речи ряда аналитических глагольных форм с оценочным значением. Возможность промежуточных случаев между прямой и косвенной речью обсуждается лишь кратко. Косвенная речь противопоставляется конструкциям с эвиденциальным показателем, также выражающим опосредованный характер информации, но не предполагающим конкретного лица, сообщившего ее ('говорят, что').

Статья Ясуси Судзуки «Адаптация "несобственно-прямой речи": изменение способа представления мысли в японском языке» посвящена формальным особенностям и функционированию одного типа конструкций, представляющего наиболее известное промежуточное явление между прямой и косвенной речью. Несобственно-прямая речь (*free indirect discourse* - стилистический прием, использующийся для описания мыслей героев и чрезвычайно характерный для европейской литературы) теряла свои особенности при переводе на японский, поскольку для воспроизведения чужой речи в японском характер-

но сохранение личных местоимений и временных форм исходного высказывания. Однако под влиянием европейских авторов в японской литературе развился прием, сопоставимый с несобственно-прямой речью: постепенно стала допустимой замена в воспроизводимом сообщении местоимения первого лица на местоимение третьего лица. При использовании последнего в сочетании с глагольной формой не прошедшего времени возникает эффект соединения объективного и субъективного способа представления мысли, что и сближает данную конструкцию с несобственно-прямой речью. Статья анализирует частную проблему, порожденную желанием усилить стилистическую выразительность, однако интересно было бы проследить, отразились ли каким-то образом произошедшие изменения на функционировании конструкций, содержащих чужую речь, за пределами литературных произведений.

Остальные статьи первого раздела посвящены особенностям функционирования конструкций, соответствующих различным типам передачи чужой речи. В статье "Прямая и косвенная речь в нарративном дискурсе языка черма" Иван Лёве и Рут Херлиман доказывают, что выбор одного из двух способов воспроизведения чужой речи в рассматриваемом типе текстов обусловлен дискурсивной значимостью данной ситуации речи для повествования в целом. Прямая речь в языке черма (или кирма; семья гур, Кот-д'Ивуар) используется как средство дискурсивного выделения и, соответственно, служит для описания ситуаций, участвующих в развитии сюжета. Косвенная же речь соответствует ситуациям, представляющим собой фон для развития сюжета (к таким ситуациям относятся, например, ментальные процессы). Кроме того, прямой речью наделены дискурсивно более значимые персонажи (облеченные большей властью или в большей степени одобряемые рассказчиком).

Другой род текстов анализируется в статье Вима ван дер Вурфа "Прямой, косвенный и другие типы передачи речи в бенгальских газетах". Основываясь на классификации, разработанной Дж. Личем и М. Шортом для исследования английской художественной прозы, автор обнаруживает те же типы представления речи в бенгальском и рассчитывает их относительную частотность в двух выпусках разных газет, одна из которых представляет более популярное, другая - более солидное издание. Полученные результаты вполне предсказуемы и сходны с результатами аналогичного исследования английских газет, проведенного М. Шортом и его колле-

гами: в популярном издании преобладают конструкции с прямой речью, в более серьезном - косвенная речь. Предпочтение прямой речи в популярной прессе объясняется большей "наглядностью" данного способа представления информации.

Андреа Голато в статье "Самоцитирование в немецком: сообщения о принятых ранее решениях" анализирует функции редкого способа воспроизведения речи в одном тематическом типе контекстов - при изложении проблемы и ее решения. Сценарий такого диалога представляется в виде определенной последовательности реплик: сначала первый участник описывает проблему, затем его собеседник признает наличие проблемы, первый участник излагает ранее принятое решение в форме прямой речи (я решил: "я поступлю так"), тем самым как бы делая слушателя соучастником принятия решения и вынуждая его одобрить данное решение. Аналогичные явления автор обнаруживает также в греческом и английском языках.

Второй раздел включает в себя две статьи. Герда Хасслер в статье "Эвиденциальность и косвенная речь в романских языках" описывает различные средства, используемые во французском и испанском языках для выражения эвиденциальных и эпистемических значений. Так, автор отмечает, что французская конструкция *n dit* 'он говорит' - наиболее нейтральный способ воспроизведения чужой речи - в разговорной речи значительно расширила возможные контексты употребления, она может вводить слова, сказанные лицом женского пола, группой людей и т.д. Параллельно с этим наблюдается ее фонетическая редукция до формы [idi]. Таким образом, словосочетание развивается в эвиденциальный показатель. Сходное значение развивается у испанской имперфектной формы глагола.

На периферийность вводящей прямую или косвенную речь клаузы указывает и Томоко И. Сакита в статье "Дискурсивный взгляд на выбор временной формы в косвенной речи в разговорном английском". Автор показывает, что традиционно рассматривавшиеся в литературе правила согласования времен не всегда соблюдаются в разговорном языке. Точкой отсчета для говорящего, как правило, является не некоторая ситуация (тем более что вводящие косвенную речь клаузы вследствие своей необязательности, второстепенной роли в дискурсе не могут выполнять эту функцию), а момент речи. Вследствие этого, например, редко используется форма *past perfect*, служащая для выра-

жения предшествования по отношению к некоторой ситуации в прошлом.

Две статьи, образующие третий раздел, анализируют близкие явления на материале разных языков. В первой из них - "Логофорическая иерархия и варианты языка догон" - Кристофер Кьюли обсуждает разработанную им в предшествующих работах имплицативную иерархию предикатов, допускающих логофорические местоимения. Самую высокую позицию в ней занимают предикаты, при которых наиболее часто выступают логофорические местоимения, - предикаты речи, за ними следуют предикаты мысли, нефактивного восприятия (например, 'слышать, что'), знания и, наконец, прямого восприятия. Целью статьи является проверка иерархии на материале речи различных носителей одного из диалектов языка догон (Мали). Хотя в речи разных носителей правила употребления логофорических местоимений совпадают не полностью, каждый из наблюдавшихся случаев подчиняется логофорической иерархии.

Янь Хуан в статье "Логофорическое маркирование в языках Восточной Азии" также обращается к иерархии предикатов. В логофорической функции в китайском, японском и корейском языках используются рефлексивные местоимения. Они допустимы в контексте всех типов предикатов, представленных в иерархии Кьюли. Ряд других свойств описываемых рефлексивов роднит их с логофорическими местоимениями в африканских языках. Единственная отличительная черта показателей в языках восточноазиатского ареала - возможность их употребления в контексте предикатов, обозначающих движение по направлению к дейктическому центру ('приходить', 'приносить'). За счет данного типа предикатов автор предлагает расширить существующую логофорическую иерархию.

Четвертый раздел включает в себя пять статей. В первой из них - "Грамматикализация глаголов 'говорить' и 'делать': ареальное явление в Восточной Африке" - Давид Коэн, Мари-Клод Симеон-Сенель и Мартина Ванхове исследуют функционирование вспомогательных глаголов как словообразовательных показателей. Как отмечают авторы, для различных языков данного ареала характерно использование перифрастических глаголов, состоящих из вспомогательного глагола со значением 'говорить' или 'делать' и некоторой смысловой части, в позиции которой может выступать глагол, существительное, идеофон, а также и другие элементы. Языки отличаются степенью грамматикализованности данной словообразовательной модели. Превращение вспомогательного глагола в про-

дуктивный словообразовательный аффикс может привести к изменению системы спряжения в языке. На ранних этапах грамматикализации использование перифрастических глаголов, как правило, сопряжено с повышенной экспрессивностью высказывания. Хотелось бы добавить, что менее известным фактом, который не отмечается в обсуждаемой статье, является возможность выражения ими перфективной семантики. Такое значение конструкций с глаголами 'говорить' и 'делать' засвидетельствовано в ряде эфиосемитских языков и является, по всей вероятности, следующей стадией их грамматикализации. В целом же использование глаголов 'говорить' и 'делать' как деривационных глагольных показателей, названное в статье ареальным явлением, довольно широко представлено в языках мира. Сходные явления можно обнаружить, например, в тюркских, северокавказских, папуасских и австралийских языках.

Основное внимание в статье "Передача чужой речи в египетском: формы, типы и история" Франка Каммерцелла и Карстена Пойста уделяется описанию различных типов воспроизведения речи и их формальным характеристикам на разных стадиях развития египетского языка.

Оставшиеся три статьи четвертой главы посвящены грамматикализации и особенностям функционирования цитативных показателей. В статье "Когда 'сказать' не значит *сказать*: многофункциональность цитативного показателя *n* в языках банту (на материале языка шона)" Том Гюльдeman на основании анализа различных употреблений самостоятельной лексемы и грамматического показателя *г*/ приходит к выводу о том, что диахроническим источником *й* является не глагол со значением 'говорить', а местоимение типа 'так, таким образом' (англ. *thus*). Автор прослеживает эволюцию исходного значения, результатом которой стало функциональное многообразие в современном языке шона. В заключении приводится схема, обобщающая представления автора о возможных источниках и возможных путях дальнейшего развития для цитативного показателя. Схема призвана показать неадекватность отображения путей грамматикализации в виде одномерных цепочек. Нужно однако заметить, что полученный результат - следствие отождествления источников грамматикализации с отдельными лексемами. Как неоднократно указывалось в исследованиях по теории грамматикализации, в частности, в работах Дж. Байби и ее коллег [Bybee et al. 1994], при таком подходе объяснительная сила теории грамматикализации оказывается заниженной. Большая систем-

ность грамматикализационных процессов обнаруживается при рассмотрении в качестве источников не отдельных лексем, а содержащих их конструкций.

Статья Мариан А.Ф. Кламер "Цитативные конструкции в языке камбера (австронезийская семья)" посвящена функциям цитативного показателя *ɪd*. Как и показатель *ft'* в языках банту, *ɪd* используется не только для введения чужой речи, его грамматикализация привела к возникновению целого ряда других значений. В конце статьи автор также приводит схему, которая представляет результаты грамматикализации анализируемого показателя в виде сети связанных значений. Несмотря на наличие направленных стрелок, схема, по всей вероятности, отражает не пути диахронического развития значений показателя, а классификацию его функций на синхронном уровне.

В статье "All the same? Возникновение дополнительных союзов в языке бислама" Мириам Майерхофф рассматривает эволюцию двух лексических источников - *se* (от англ. *say*) и *olsem* (от англ. *all the same*). Первый из них дает пример типологически распространенного пути грамматикализации глаголов со значением 'говорить' в подчинительный союз. Особый интерес союза *olsem* заключается в том, что он все еще находится в процессе грамматикализации, позволяя таким образом подробно проследить свою историю - от предлога со сравнительным значением ('как') и указательного местоимения до союза. Характерно, что союз сначала использовался

при неактивных глаголах, а затем распространился и на другие контексты, в том числе и конструкции с глаголами речи.

В целом, несмотря на разный уровень статей, сборник представляет собой удачный опыт комплексного анализа феномена чужой речи. Несколько досадно, что обсуждаемая в предисловии идея градуальной организации шкалы, отражающей различные типы воспроизведения речи, не получила дальнейшего развития. Разработка параметров, позволяющих определить положение той или иной конструкции на подобной шкале, была бы полезной для различных исследований в сфере передачи чужой речи и, в частности, позволила бы устранить терминологическую нечеткость, характерную как для обсуждаемого сборника, так и в некоторой степени для всей данной проблемной области. В любом случае, можно надеяться, что рецензируемая книга стимулирует дальнейшие исследования в этой сфере и будет интересна для самого широкого круга лингвистов.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Падучева 1996 — *Е.В. Падучева*. Семантические исследования. М., 1996.
- Bybee at al. 1994 - *J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.

*Т.Н. Резникова*